

Скифы Северного Причерноморья
Сборник научных трудов

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
С42

С42 Скифы Северного Причерноморья: Сборник научных трудов / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 152 с.

ISBN 978-5-458-35305-2

В сборнике публикуются материалы, касающиеся различных аспектов скифской проблемы. Значительное внимание уделяется вопросу этногенеза скифов, изучению процесса формирования скифского этноса. Рассматривается проблема этногеографии Скифии, выясняются границы скифского политического объединения и размещения входивших в его состав народов применительно к современной географической карте. С этой темой связан вопрос о пределах распространения скифской культуры, рассматриваемой на материалах памятников Северного Кавказа и Лесостепной Украины. Публикуются материалы из раскопок, проведённых на территории УССР в 70-80-х гг. XX в. Для историков, археологов, работников музеев.

ISBN 978-5-458-35305-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

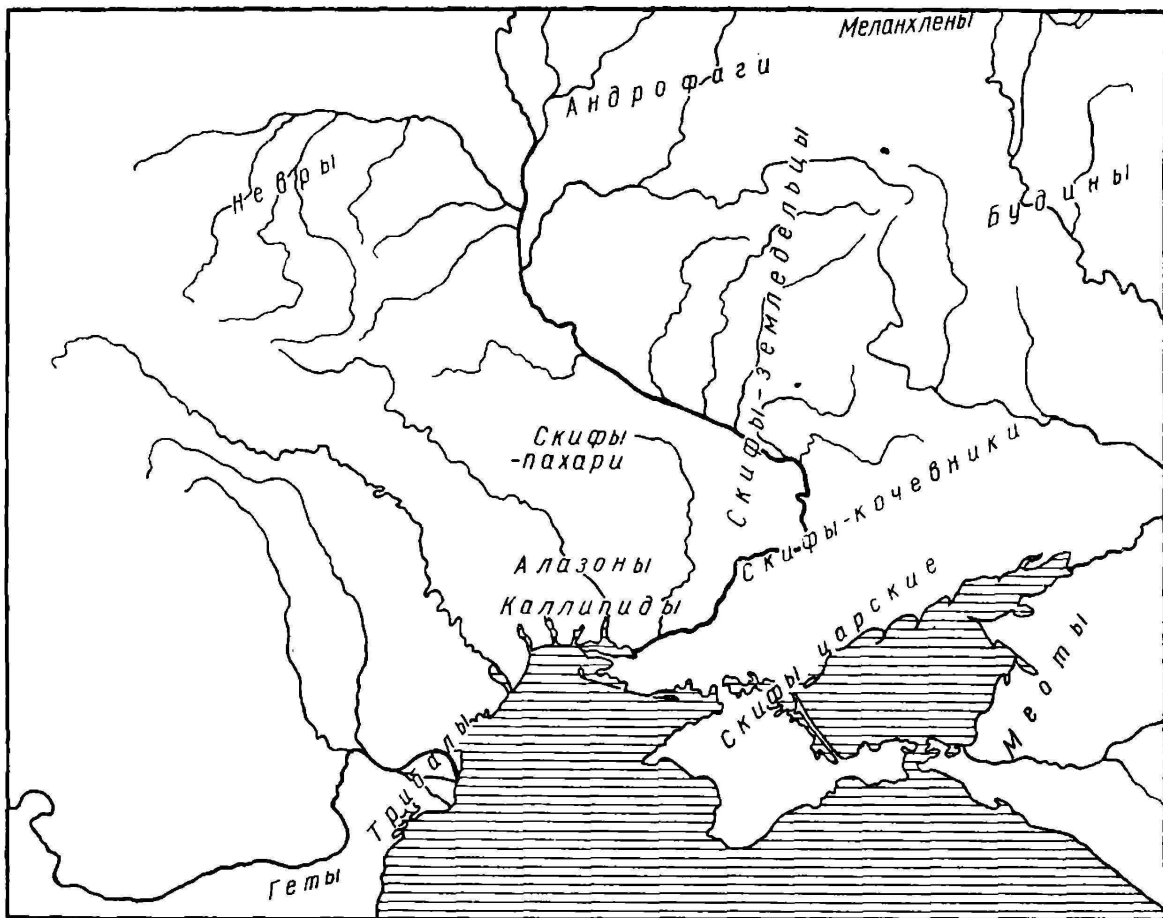

Рис. 1. Карта Скифии по Б. Н. Гракову.

ны памятники локальных групп скифской культуры лесостепи, занимавшихся земледелием, — киевская и две подольские; к востоку от Днепра до бассейна Северского Донца — гелоны с городом Гелоном, который автор, следуя Б. А. Шрамко и ряду других ученых⁵, видит в огромном Бельском городище на Ворскле.

Окружение Скифии составляют следующие племена: в горном Крыму находятся тавры, в Припятском Полесье и севернее — невры, которыми признаются племена милоградской культуры; в бассейнах Десны и Сейма — будины, которыми признаются племена южновской культуры; за Танаисом, который считается Северским Донцом, видим савроматов (сирмат?) и меланхленов, а к северу от них (точнее, к северо-западу) — фиссагетов (городецкая культура) и иирков (дьяковская культура).

Только в степной половине скифского квадрата мы находим те же племена,

какие в ее пределах часто и в том же географическом порядке с запада на восток обозначаются на картах скифоведов — каллипиды, алазоны, скифы царские и скифы-кочевники — тогда как все остальное подвергнуто пересмотру. Рассмотрим составленную таким образом карту Геродотовой Скифии в сопоставлении с теми фактическими сведениями, которые древний автор сообщает в четвертой книге «Истории», и имеющимися данными археологии.

Прежде всего, конечно, о сколотах-земледельцах в лесостепи между Днестром и Днепром. Такого племени или группы племен Геродот в Скифии не знал. Они воссозданы автором исследования, с одной стороны, из скифов-пахарей, которых Геродот указывал в правобережной Лесостепи, и скифов-земледельцев, которых он прочно локализовал только к востоку от Днепра [Геродот, IV, 18—19].

Невероятность появления на карте Скифии особых скотов-земледельцев, помимо невозможности слияния в их составе правобережных и левобережных оседлых племен, заключается, конечно, в том, что для Геродота скотами называли себя сами скифы царские: его свидетельство об этом непререкаемо. В книге Б. А. Рыбакова основной миф о происхождении скифских царей и родов, или племен скифов царских, оказался перенесенным на оседлых земледельцев, часть которых, прежде всего скифы-пахари, очевидно, скифами были только по своему названию, так как являлись автохтонами, ведущими начало от белогрудовцев и чернолесцев конца эпохи бронзы и доскифской поры железного века. От Таргитая, сына Зевса и дочери реки Борисфена, как говорится в мифе, родился первочеловек Таргитай, имевший трех сыновей. «И вот, — как пишет древний автор, — от Липокса-де произошли те скифы, которые носят название рода авхатов; от среднего брата Арпокса — те, что называются катиарами и траспиями; а от младшего, царя, те, что называются паралатами; общее же название всех их — скоты, по имени одного царя; скифами называли их эллины» [Геродот, IV, 6].

Главный аргумент, пользуясь которым Б. А. Рыбаков перенес генеалогический миф скифов царских на земледельцев, заключается в том, что в составе небесных даров, по данным этого мифа, были, помимо секиры и чаши, плуг и ярмо — предметы земледельческие. Следовательно, и сам миф должен был принадлежать земледельцам, что и позволяет перенести именно на них название скотов. Доводы Б. А. Рыбакова сводятся к следующему: «Плуг с ярмом поставлен среди священных даров на первое место, что и заставляет связывать данную легенду прежде всего с земледельческой лесостепной зоной Скифии». «Священное золото цари оберегают и чтут ежегодными обильными жертвоприношениями под открытым небом. Еще раз мы можем убедиться в том, что Геродот четко различал собственно скифов и скифов-скотов — их празднества и жертвоприношения он описал раздельно, и там, где описыва-

ются божеества скифов-кочевников, принесение жертв в безлесной степи, там не упоминается почитание золотого плуга и ярма, а говорится о поклонении мечу и заклании пленников... Страна почитателей пахотной упряжки земледельцев-скотов находится не в южной степи, севернее которой живут пахари. Она находится на северном пределе досягаемости, на рубеже заснеженных пространств».

Продолжая развивать свою мысль, Б. А. Рыбаков пишет далее: «Единственная область в Восточной Европе внутри скифского квадрата, которую можно отождествить со страной почитателей плуга, страной, управляемой потомками Таргитая и Колаксия, это — область земледельческих скифских племен Среднего Поднепровья. Следуя эллинской традиции называть жителей этой страны скифами (что, очевидно, подкреплялось вхождением ее в скифскую федерацию), Геродот и пишет о них как о скифах, но всегда добавляет поясняющий эпитет: «скифы-пахари» (т. е., «ненастоящие скифы», живущие не кочевым бытом), «скифы-земледельцы».

По счастью, он нашел нужным все же дать окончательное разъяснение, перечислив земли потомков Таргитая и сказав, что всем им в совокупности имя скоты, а скифами (очевидно, по аналогии с окружающими греков действительными скифами) их называли греки-колонисты. Итак, мы получили право именовать днепровско-днестровский массив земледельческих культур скифского времени и скифского облика его самоназванием — скотами» (с. 216—217).

Во всем изложенном о скотах-земледельцах можно обнаружить только уверенность, но не убедительность, не доказательства. Вынужден повторить, что предание о происхождении скифских царей и скифов царских, называвшихся, по Геродоту, скотами, никаким образом приписать земледельческим оседлым племенам нельзя, Геродот ничего не знал о земледельцах-скотах: в его записях скоты — кочевые скифы царские.

Миф о небесных дарах чужд народам Европейской части СССР. Сказание это,

как почти все в культуре скифов, явно привнесено из глубин Азии, с востока, самими скифами. Иранисты обратили внимание на то, что подобного же рода легенды были широко распространены там. Самую близкую, но не зависящую от Геродота аналогию к черноморскому скифскому мифу обнаружил Ж. Дюмезиль. Так, по Курцию Руфу, скифы, в данном случае среднеазиатские саки, отговаривая Александра от похода против них, заявляли: «Знай, что мы получили дары: упряжку быков, плуг, копье, стрелу и чашу. Своим друзьям мы даем плоды, добытые трудом быков, с ними же вместе мы пользуемся чашей, возливая вино богам; врагов мы поражаем издали стрелой, вблизи — копьем» [Курций Руф, VII, 8, 18—19]. Мимо таких сообщений, очевидно, пройти нельзя: сказание о Таргитае относится к скифам царским, что, если следовать Геродоту, никакому пересмотру не подлежит.

Вопрос о гелонах. Как и в случае со сколотами-земледельцами, приходится отметить, что в четвертой книге «Истории» Геродота ничего не сообщается о каком-либо присутствии гелонов в Скифии, в пределах скифского квадрата, ничего в ней не говорится и о нахождении на его территории города Гелона. Земля гелонов обозначена на карте Б. А. Рыбакова обособленно, как самостоятельная по занимаемой территории, что не соответствует сообщению Геродота о том, что гелоны жили в земле будинов [Геродот, IV, 108—109]. Земля же будинов, как отмечено уже выше, обозначена к северу от Скифии, в зоне леса по бассейнам Десны и Сейма, то есть там, где их также не знает Геродот. Для такой локализации земли будинов Б. А. Рыбаков воспользовался преданием о приходе невров с их первоначальной родины, в котором упомянуто, что они поселились в земле будин. Территория Невриды в настоящее время археологически определена, очевидно, весьма прочно в области Припятского Полесья и севернее (исследования О. Н. Мельниковской), а отсюда и сделано заключение, что будины должны были жить в ближайшем соседстве, что и позволило отождествлять их с племенами юхновской культуры. Да, действи-

тельно, у Геродота сообщается, что невры после переселения «поселились вместе с будинами» [Геродот, IV, 105]. Такое их территориальное сближение в предании, вероятнее всего, объясняется случайностью, может быть, даже опиской. Геродот, уделив в своей книге особое внимание изображению театра войны Дария со скифами, нигде не использовал упоминания о расселении невров в земле будинов, а указывает ее совсем в другом месте.

Чтобы обосновать такого рода карту Геродотовой Скифии, Б. А. Рыбаков обращается к углубленному рассмотрению хода и маршрута вторжения Дария в Скифию. Все его внимание в этом случае сосредоточено на том, чтобы как можно более сократить длину похода. В этом он руководствуется единственно сроком в 60 дней, обозначенных, по повествованию, узлами на ремне, переданном ионийцам, охранявшим мостовую переправу персов на Истре (Дупае). Подсчитывая расстояние, какое могли пройти войска Дария на восток и обратно в течение указанного количества дней, Б. А. Рыбаков делает вывод, что они ни в коем случае не могли проникнуть на восток за Танаис, а должны были, вопреки сообщению Геродота, прекратить свой поход значительно раньше. Произведя соответствующие арифметические расчеты, он устанавливает, что персы на востоке достигли рек Агар и Лик, впадавших, по Птолемию, в Меотиду, которые исследователь сопоставляет с реками Лик и Оар, упомянутыми Геродотом к востоку от Танаиса в связи с описанием похода Дария.

Б. А. Рыбаков категорически отверг все, что пишет Геродот о движении скифов за Танаис и преследовании их на столь отдаленных землях персами. Как совсем несостоятельные отвергнуты следующие сообщения: «Когда скифы перешли реку Танаис, то персы тоже перешли ее вслед за ними и продолжали преследование, пока не достигли земли будинов, пройдя землю савроматов». В земле будинов они сожгли большой деревянный город, не названный по имени (считается Гелоном). За страной будинов персы вступили в пустыню, тянувшуюся на семь дней пути.

«За пустыней,— как писал древний историк,— живут фиссагеты, а из земли их четыре большие реки текут через землю меотов и впадают в озеро, называемое Меотидою; имена их следующие: Лик, Оар, Танаис и Сиргис». Персы, дойдя в пустыне до реки Оар, повернули на запад, начали свое отступление [Геродот, IV, 122—125].

Сообщения такого рода признаны Б. А. Рыбаковым недостоверными. «Многим ученым казалось соблазнительным и возможным,— пишет он,— сопоставлять важную для Геродота речку Оар с Ра-Волгой. Но тогда приходилось допускать, что Дарий удлинил свой и без того длительный поход еще на 450 км по расстоянию и на целый месяц по времени. Это не сходилось со сведениями о двухмесячном сроке похода и плохо укладывалось в геродотовскую географию, где среди крупнейших рек Волга не названа; кроме того, пришлось бы признать, что Волга впадает в Азовское море. Получалось много несуразиц, и из них был сделан оригинальный вывод: раз Дарий не мог дойти до Волги, то, значит, весь его поход недостоверен. На самом же деле недостоверно только отождествление меотидской речки Оар с Волгой» (с. 55). «Отождествление р. Оар с Ра-Волгой,— подчеркивает Б. А. Рыбаков,— делало совершенно бессмысленным рассказ о скифском походе Дария и ставило под сомнение достоверность сведений Геродота вообще. Если же учесть координаты Птолемея, то геродотовский текст о походе 512 года... получает четкое и вполне реальное истолкование: основное войско царя углубилось в Скифию не более чем на 20—25 дней пути, что вполне укладывается в сроки, указанные Геродотом» (с. 59).

Речками Агар (Оар) и Лик при Меотиде Птолемея Б. А. Рыбаков определил протяженность похода Дария на восток. Перенеся реки Оар и Лик в местности к западу от Танаиса, он и перечень рек, текущих, по Геродоту, из земли фиссагетов, соответственно дал в порядке с запада на восток: Лик, Агар (Оар), Танаис и Сиргис. Отсюда сделано ответственное для понимания географии Скифии у Геродота заключение: «Танаисом следует считать Север-

ский Донец, а Сиргисом — современный Дон до впадения в него Северского Донца (с. 54).

По Б. А. Рыбакову, персы, дойдя до речек Лик и Агар, должны были, резко повернув на север, форсировать Танаис (в данном случае Северский Донец) и через землю савроматов (сирмат?) проникнуть до страны гелонов в левобережной днепровской лесостепи и будинов в бассейне р. Десны.

Как видим, концепция географии Геродотовой Скифии построена на признании безусловной достоверности сообщения о ремне с 60 узлами, которым определяется длительность персидского вторжения в Скифию. Сам Б. А. Рыбаков называет этот ремень строкой из предания, «ремень-календарь с 60 узлами, завязанными Дарием у истринского моста», не больше, чем легенда (с. 97). Ремнем с узлами, очевидно, никак нельзя было воспользоваться в качестве определяющего режим и ход событий похода, коренной пересмотр этих событий по сравнению с сообщениями Геродота об их финальной части, той их части, в которой идет речь о действиях, происходивших к востоку от реки Танаиса, приведенных нами выше. В труде Б. А. Рыбакова вся историческая и географическая перспектива оказалась резко сдвинутой на запад, смещенной в степи к северу от Азовского моря, что потребовало отказа от ряда важнейших свидетельств Геродота, фактически их пересмотр. Лик и Оар, названные у Геродота большими реками, заменены маленькими речками Птолемея в Приазовье.

Если у Геродота перечень рек, текущих из земли фиссагетов, дается в порядке с востока на запад, а именно: Лик, Оар, Танаис и Сиргис, находящие себе соответствия в реках Яик (Урал), Волга, Дон и Северский Донец,— то у Б. А. Рыбакова, как мы уже отметили ранее, реки эти перечислены в порядке с запада на восток, что и позволило ему определить Северский Донец аптичным Танаисом.

Геродот проявил особенно глубокий интерес и внимание к определению местоположения земли савроматов, будинов и гелонов — союзников скифов в их войне с Дарием: достоверность сообщае-

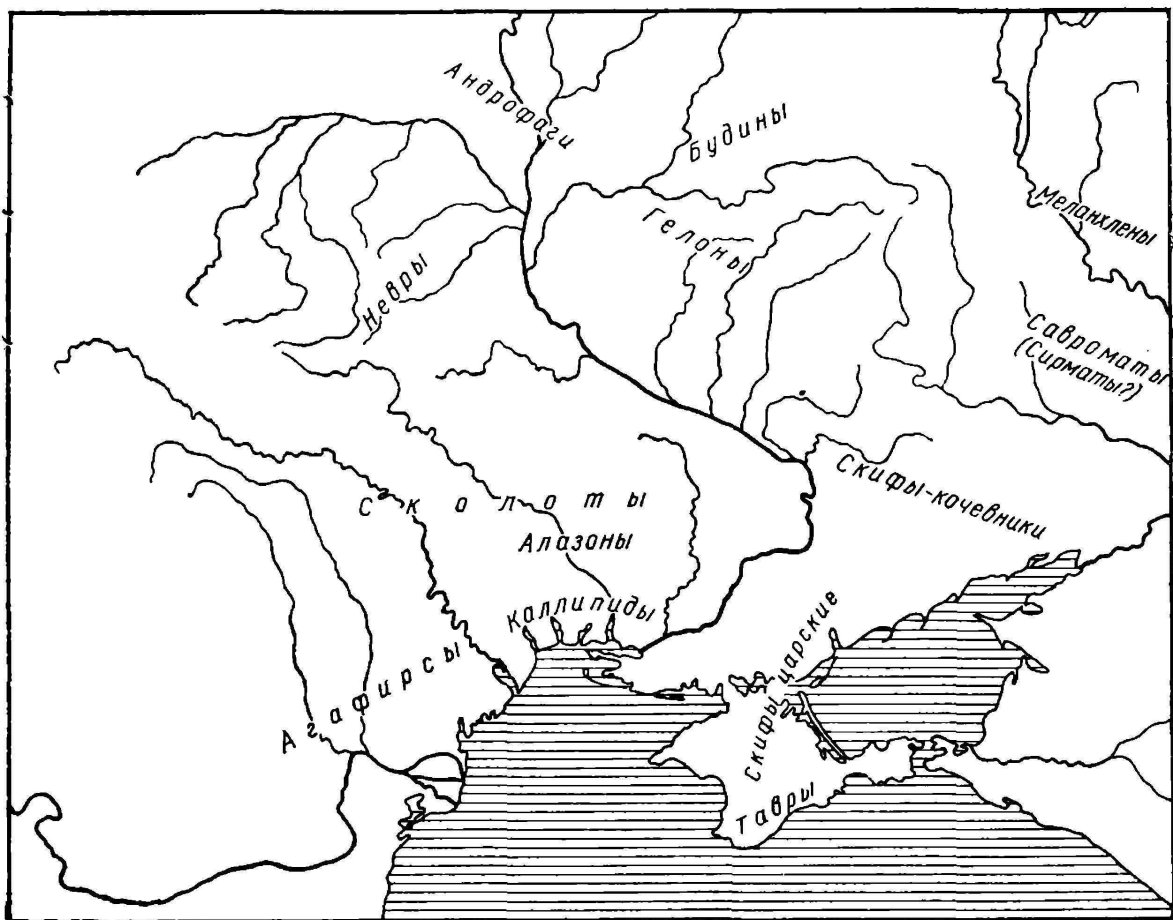

Рис. 2. Карта Скифии по Б. А. Рыбакову.

мых о них сведений он счел необходимым специально подчеркнуть в своем труде. «За рекою Танаисом,— пишет он,— уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу; по всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев. Выше савроматов, на втором доставшемся на их долю участке живут будины, занимающие местность, сплошь покрытую разнородным лесом.

Выше будинов к северу сначала простирается пустыня на 7 дней пути, а за пустынею, более в направлении к востоку, живут фиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотою. Рядом с ними в той же местности живет народ, называемый иирками, они также промышленяют охотою... Выше иирков по направлению к востоку живут другие скифы, отделившиеся от царских и прибывшие в эту землю.

Вся описанная мною страна до области этих скифов представляет собой равнину с глубокой плодородной почвой, а, начиная отсюда, земля становится кремниста и неровна. Когда пройдешь значительное пространство этой неровной страны, у подножья высоких гор обитают люди, которые, говорят, все плешивы от рождения, как мужчины, так и женщины... Называется этот народ аргишпеями.

О стране до этих плешивых и о племенах, обитающих по сю сторону их имеются достоверные сведения; к ним ходят некоторые скифы, от которых не трудно добыть сведения, равно как и от эллинов из торжища Борисфена и из других припонтийских торжищ. Те из скифов, которые приходят к ним, ведут свои дела при помощи семи переводчиков на семи языках». Отсюда один путь шел прямо на восток, очевидно, через хребет Урала в страну хорошо известных информаторам Геродота исседонов.

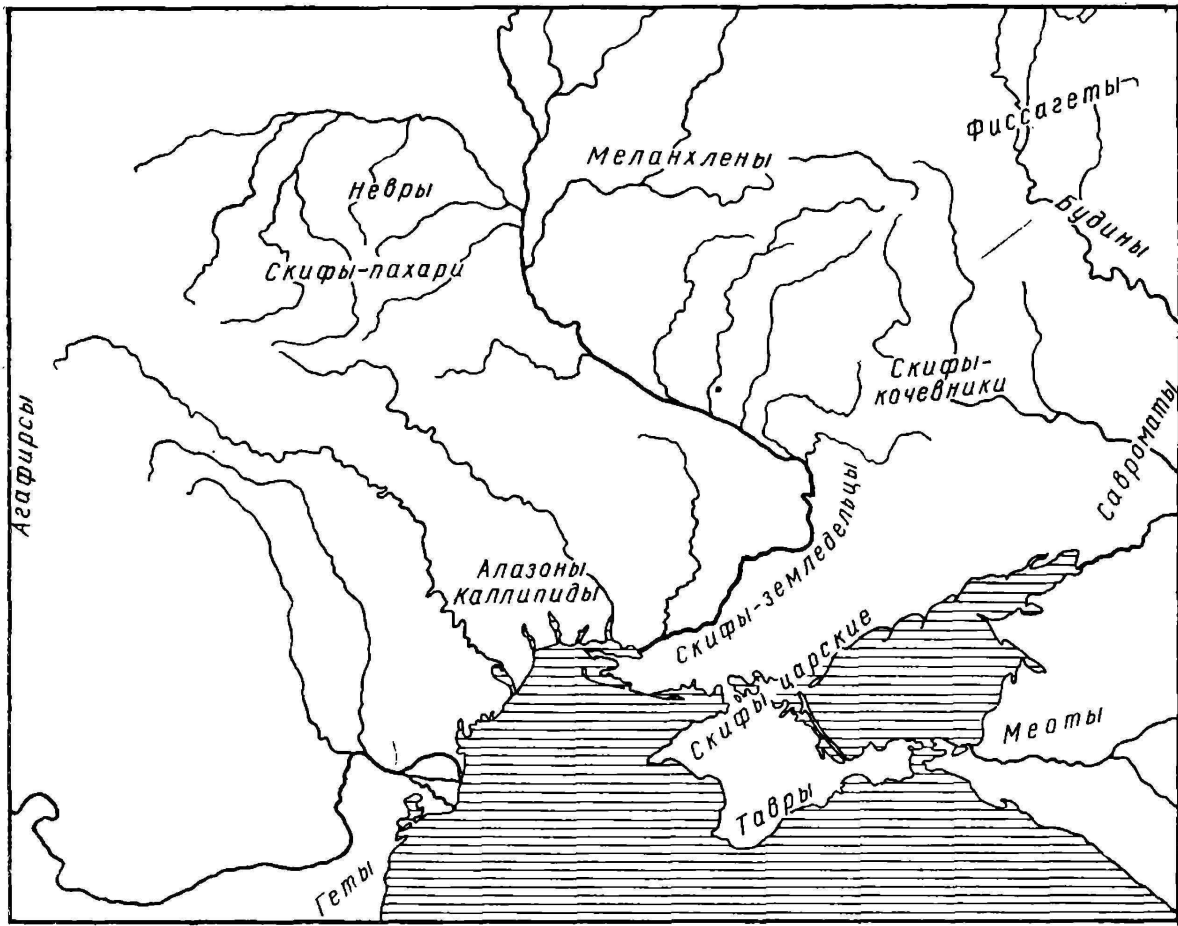

Рис. 3. Карта Скифии по В. А. Ильинской и А. И. Тереножкину.

а другой путь вел на север, относительно которого достигали лишь фантастические сведения, а на границе известного мира назывались аримаспы (одноглазые люди) и стерегущие золото грифы [Геродот, IV, 21—27].

Путь, идущий через земли савроматов и будинов, описан Геродотом с особой тщательностью и знанием географии восточной части скифского мира. У него точно обозначено (здесь он непрерываемо), что путь, начинавшийся от Азовского моря, шел через земли савроматов и будинов за Танаисом прямо на север, а после достижения фиссагетов поворачивал на восток и, очевидно, на северо-восток. В книге Б. А. Рыбакова путь этот, имевший, по-видимому, большое значение для Скифии, а потому в ней так хорошо известный и у скифов и у эллинов, получил иное направление: проведя линию от речек Агар и Лик в Приазовье к Северскому Донцу, признанному Танаисом, а через него в зем-

лю савроматов, далее на северо-запад в свои земли гелонов, помещенных в бассейнах Сулы, Псла и Ворсклы, исследователь заключил ее в стране будинов, размещенных в бассейнах Десны и Сейма. Так скифский северо-восточный путь оказался превращенным в северо-западный, ведущий, вопреки Геродоту, не в Приуралье и в Сибирь, а к верховьям Днепра. Кстати, следует отметить, что Б. А. Рыбаков на своей карте (с. 191) поместил в междуречье Северского Донца и Дона савроматов (сирматов?), тогда как по археологическим данным (К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова) они появились здесь не ранее второй половины IV в. до н. э., — и здесь источники используются недостаточно корректно.

Заканчивая рассмотрение взглядов Б. А. Рыбакова на географию и этнографию Скифии, следует отметить, как о том шла речь в начале нашей статьи, что он слишком резко в негативном

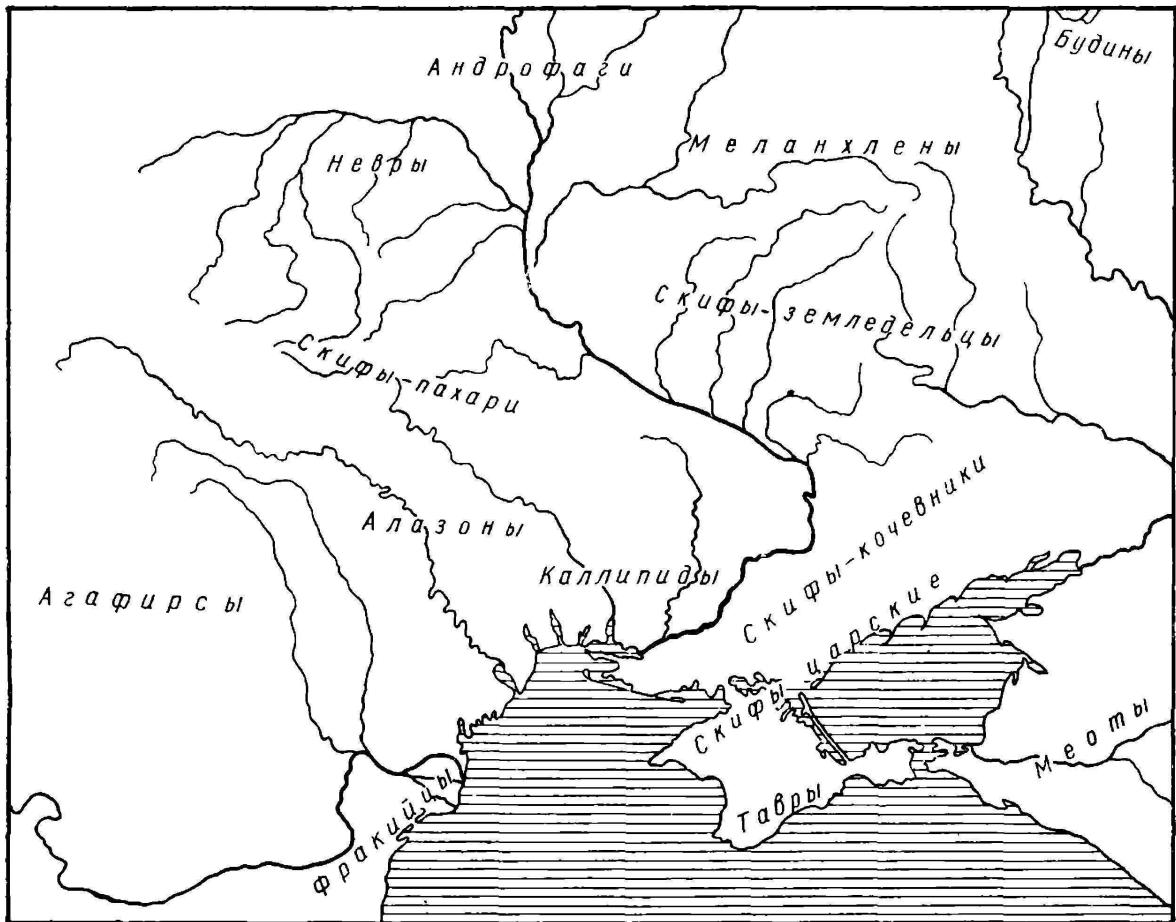

Рис. 4. Карта Скифии по А. П. Смирнову.

плане высказался о современном скифоведении, будто бы оно запуталось в своих гипотезах и построениях, а исследователи в своих концепциях «просто погашают друг друга».

Действительно, скифоведы сильно расходятся в понимании и освещении географии, политического строя Скифии, а также многих других вопросов. Они продолжают оставаться дискуссионными, но, как мне представляется, все это происходит в обычных рамках расхождений, существующих в любых отраслях археологии и древней истории, например, бронзового века, черняховской культуры, генезиса славянской культуры, прародины славян и прочих проблем.

Нельзя согласиться с мнением о существовании в скифоведении полного разброда, с мнением, что оно развивалось без историко-культурной преемственности. Современное скифоведение зарождалось на основе опыта и дости-

жений дореволюционной науки, теоретически обобщенных в трудах М. И. Ростовцева⁶ и А. А. Спицина⁷.

Карта Скифии, изданная Б. Н. Граковым в 1947 г.⁸, в несколько модернизированном виде продолжает до сих пор широко использоваться в исследованиях киевских скифоведов (В. А. Ильинской, моих). А. П. Смирнов, лишь несколько изменив названную карту Скифии Б. Н. Гракова, переиздал ее в 1966 г.⁹ Хотя эта карта стала внешне как бы устаревшей, она продолжает оставаться наиболее действенной, перспективной, хотя сам ее автор позднее от нее отказался, когда увлекся идеей единой, иранской по этнической принадлежности всего населения Скифии и попытался свести ее территориально к степной полосе Украины. Это оказалось невозможным с точки зрения современных знаний: неоднократные и, кажется, исключительные по настойчивости и щепетильности экспедиции, осущест-

вленные исследователями Московского университета вдоль северной окраины степей (Н. Н. Погребова) нигде не подтвердили существования следов оседлости в скифское время (скифы-пахари и скифы-земледельцы Геродота), — они обнаруживаются севернее, что так убедительно освещено античным автором при описании земель, лежащих к западу от Днепра.

Б. А. Рыбаков в своем труде создал новую карту Геродотовой Скифии, только принять ее невозможно, так как исследователь опирался в основном не столько на четвертую книгу «Истории» Геродота, сколько на свои внесенные в эту книгу поправки, изменения, корректуры. К сожалению, это новое исследование сочинения древнего историка основано не на строгих доказательствах, а более всего на различного рода

пересмотрах сообщаемых им сведений о Скифии.

¹ Артамонов М. И. Этногеография скифов // Учен. зап. Ленингр. ун-та.— 1949.— Т. 85.

² Смирнов А. П. Скифы.— М., 1966.— С. 50.

³ Граков Б. М. Скифы.— К., 1947.— С. 8; Граков Б. Н. Скифы.— М., 1971.— С. 14.

⁴ Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Лесостепном Правобережье.— Киев, 1961; Тереножкин О. И., Іллінська В. А. Скифський період // Археологія Української РСР.— К., 1971.— Т. 2.

⁵ Шрамко Б. А. Восточное укрепление Бельского городища // Скифские древности.— Киев, 1973.— С. 112; Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон // Скифский мир.— Киев, 1975.— С. 94.

⁶ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор.— Л., 1925.

⁷ Спицин А. А. Курганы скифов-пахарей // ИАК, 1918.— Вып. 65.

⁸ Граков Б. М. Скифы.— С. 8.

⁹ Смирнов А. П. Скифы.— С. 50.

В. И. Клочко, В. Ю. Мурзин

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕСТНЫХ И ПРИВНЕСЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Понимание истории зарождения и дальнейшего развития на территории евразийских степей в эпоху раннего железного века целого ряда кочевнических культур, объединенных многими общими признаками, неизбежно сталкивается с необходимостью решения нескольких узловых проблем, в которых слились воедино самые различные вопросы, связанные с генезисом и хронологией культур скифского типа, определением их пространственных пределов и конкретного этнического содержания. Надо ли говорить, что среди этих проблем наиболее знакомой большинству исследователей, но при этом еще до конца не ясной, остается проблема происхождения самих скифов и собственно скифской культуры.

Немалую роль в том, что вопрос о происхождении скифов до сих пор еще не решен окончательно, сыграли довольно противоречивые сообщения Геродота. Действительно, рассказывая о приходе скифов из-за Аракса и вытеснении ими из степей Северного Причерноморья обитавших там киммерийцев

[Геродот, IV, 11], Геродот в то же время упоминает о наличии в Северном Причерноморье некой исконной, древней Скифии [Геродот, IV, 99], сообщает о неких «коренных» скифах [Геродот, IV, 81], численность которых вызывала споры у его информаторов («...согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим — коренных скифов, собственно говоря, очень мало»)*.

Преломленные через призму пока еще недостаточного археологического материала эти не соответствующие на первый взгляд друг другу сведения послужили основой для формирования двух различных подходов к решению интересующего нас вопроса. Мы имеем в виду «автохтонную» концепцию, в основе которой лежит представление о генетической связи скифских племен с носителями срубной культуры, и более традиционную, распространенную еще со

* Цит. по: Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского.— Л.: Наука, 1972.— 599 с.

времени М. И. Ростовцева точку зрения, согласно которой Северное Причерноморье было завоевано к VI в. до н. э. скифами, пришедшими из глубинных районов Азии. Впрочем, выше мы изложили суть этих взглядов в их «чистом», а соответственно и несколько упрощенном виде.

На самом деле, в представлении большинства исследователей процесс формирования скифского этноса выглядит более сложным, вовлекшим в свою орбиту как часть местного населения Северного Причерноморья, так и группы пришлых кочевников, которые проникают на эту территорию с востока. Тот же М. И. Ростовцев, например, считал, что скифы-завоеватели покорили и полностью ассимилировали остатки местного населения Северного Причерноморья¹. По мнению одного из создателей «автохтонной» теории Б. Н. Гракова, во многих своих работах обосновывавшего связь скифов с носителями срубной культуры, в окончательном сложении скифов как определенного этноса участвовали кочевники, передвинувшиеся в VII в. до н. э. из-за Аракса-Волги². Его научный оппонент А. И. Тереножкин, последовательно отстаивавший тезис о приходе скифов из глубин Азии, не отрицал включения в состав скифского этноса покорившихся им местных северопричерноморских племен³. Близких взглядов придерживался и А. А. Иессен, который писал: «В моем представлении киммерийцы возглавляли первое крупное объединение племен, ...а затем они, очевидно, около рубежа VIII и VII вв. до н. э. частично были вытеснены из Северного Причерноморья пришельцами с востока, после чего и сложилось у нас на юге скифское объединение. Вместе с тем несомненно, что не может быть и речи о полной смене всего населения в это время. Многие племена и группы населения, входившие в киммерийское объединение, сохранились на месте и после его распада»⁴.

Представление о скифах как об этническом новообразовании, органически соединившем местные и пришлые компоненты, вполне соответствует наблюдениям этнографов, согласно которым «в условиях раннеклассовых отношений

переселения часто сопровождались интенсивными этногенетическими процессами. При этом такие процессы, как правило, одновременно имели объединительный характер. Более того, начальной точкой формирования новой этнической общности в результате переселений обычно выступал не столько сам момент миграции этнической общности или отделения переселяющейся этнической группы от «материнского этноса», сколько тот период, когда между переселенцами и автохтонными этническими единицами начиналось взаимодействие, в ходе которого у них появлялись общие характерные черты»⁵.

Таким образом становится ясно, что основной спор, разгоревшийся вокруг вопроса о происхождении скифов, касается не столько путей их гегезиса, сколько определения удельного веса пришлых и местных элементов в составе скифского этноса. В этой связи, как нам кажется, следует затронуть один чисто терминологический момент, состояние которого свидетельствует о значительной путанице в археологической литературе.

Понимая в принципе всю сложность этногенетических процессов, приведших к сложению скифов как вполне определенного исторического народа, хорошо известного по многим письменным памятникам начиная с VII в. до н. э., многие исследователи продолжают в поисках их предков употреблять и для более раннего времени этноним «скифы», хотя процесс сложения скифов в результате взаимодействия местных и пришлых этнических элементов в этот период еще даже не начинался. Поскольку и скифская культура известна нам лишь с VII в. до н. э., для обозначения культуры этих более ранних, созданных творчеством самих исследователей «скифов», приходится прибегать к таким громоздким конструкциям, как «культура скифов в ее доскифском облике», «культура самых первых скифских насельников» и т. д. Эта терминологическая трудность, пожалуй, наиболее заметно проявляется в следующем отрывке: «У них (скифов во время пребывания в Передней Азии.— В. К., В. М.) возникла новая культура, ее они

и принесли с собой на свою старую родину. Эта культура называется скифской, но в ней мало что можно отыскать от первоначальной культуры их родины, продолжавшей существовать и развиваться у части скифов, оставшихся на месте и не принимавших участия в бурной истории своих соплеменников в Азии»⁶.

Во избежание подобных трудностей следует, с нашей точки зрения, примыкать к наименованию «скифы» лишь в отношении определенного исторического народа, обитавшего на территории степных районов Северного Кавказа и Северного Причерноморья с VII в. до н. э. и обладавшего вполне определенной и хорошо известной каждому археологу «скифской культурой», фиксируемой на указанной территории также не ранее VII в. до н. э. Выделяя слагаемые скифского этноса и скифской культуры в более ранних хронологических пластах, следует, по-видимому, употреблять термины «протоскифы» и «протоскифская культура».

Если использовать эти термины, то скифская культура, по нашему мнению, представляла собой сплав трех различных по происхождению компонентов: позднейшей предскифской культуры черногоровско-новочеркасского типа; протоскифской, привнесенной на территорию Восточной Европы из глубинных районов Азии в VII в. до н. э.; отдельных включений переднеазиатской культуры. Данное сочетание обусловлено процессом сложения скифов в результате слияния местных киммерийских и пришлых протоскифских племен в условиях переднеазиатских походов, несомненно сыгравших роль своеобразного катализатора описываемого этногенетического процесса.

Естественно, когда мы говорим о слиянии местных и пришлых племен в рамках одного этноса, мы понимаем, что это слияние было достаточно длительным процессом, хотя его течение и облегчалось языковой и культурной близостью взаимодействующих этнических элементов. На протяжении определенного времени в составе скифского объединения параллельно существовали скрытые под общим именем и более или менее общей материальной культурой,

которая, по удачному выражению Б. Н. Гракова, «по праву времени и места не может быть названа иначе, чем скифской»⁷, группы кочевого населения, в основе своей ведущие начало от пришлых или местных кочевых элементов. Археологическое подтверждение этому можно видеть в раннескифском погребальном обряде, отличавшемся многообразием своих форм⁸. Возможно, этим же объясняется разнородность в данных Геродота относительно численности скифов как таковых [Геродот, IV, 81], наличие зафиксированного им же деления скифского объединения на три «царства» (на три орды?)^{*}, управляемых тремя царями [Геродот, IV, 7; IV, 147]. С нашей точки зрения, объединительный этногенетический процесс, начавшийся в VII в. до н. э., завершился лишь к IV в. до н. э., когда на территории северопричерноморской степи, ставшей к концу VI в. до н. э. центром скифского объединения⁹, установилось относительное единообразие погребальной обрядности, что выразилось прежде всего в распространении единого типа погребальных сооружений — скифской катакомбы.

В связи с отсутствием другого рода источников, определить удельный вес каждого из участвовавших в этом процессе этнических элементов можно лишь археологическим путем. Иными словами, выяснение (пусть даже очень приблизительное) путей формирования скифского этноса заключается в определении удельного веса каждой из названных нами выше трех составных частей скифской культуры.

Задача эта достаточно сложная. Она требует тщательной проработки отдельных элементов скифской материальной культуры, погребального обряда, а также отдельных образов скифского звериного стиля. Пока подобная работа не будет выполнена, делать окончательные выводы преждевременно. Однако некоторые наблюдения возможны уже и сейчас.

* Под ордой в данном случае следует понимать «сообщество некровнородственных, экономически и социально неравных семей, нередко включающее в себя даже чужеземцев» (Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. — М., 1982. — С. 38—39).